

ТРЕХСТОРОННИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В ИЕРУСАЛИМЕ: СДЕЛКА ВЕКА ИЛИ ПОПЫТКА НАЛАДИТЬ ДИАЛОГ?

Дата: 09.07.2019 Автор: Иван Андрианов

Рубрика: [Ближний Восток](#)

25 июня в Иерусалиме впервые прошли трехсторонние российско-американо-израильские переговоры по вопросам безопасности. Делегации возглавляли первые лица в руководстве стран-участниц, курирующие данное направления: Николай Патрушев (Россия), Джон Болтон (США) и Меир Бен-Шабат (Израиль).

На правах главы правительства страны-хозяина встречи в переговорах участвовал премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху. Главной заявленной темой дискуссии стала обстановка в Ближневосточном регионе,

а особое внимание было уделено комплексу вопросов, связанных с Сирией (САР) и Ираном.

Открыл встречу Биньямин Нетаньяху. Он обозначил повестку дня, отметив, что особое внимание будет уделено событиям, происходящим в САР. «Как вы знаете, Израиль часто выступал против закрепления Ирана в Сирии, против передачи оружия «Хизбалле» и создания фронта против Израиля на Голанских высотах», – подчеркнул политик.

Нетаньяху выразил надежду, что на встрече удастся достигнуть договоренностей между Россией и США о выводе иранских войск из Сирии и «прекращении наращивания Ираном военной мощи на границе с Израилем в обмен на международное признание режима Асада».

Комментируя вступительное слово премьера, израильский новостной портал Ynet заявил, что еще накануне встречи Николай Патрушев дал понять, что он представляет на переговорах, в том числе, и интересы Ирана в Сирии.

Секретарь Совета безопасности РФ в своей речи подчеркнул, что по данным российской разведки, сбитый 20 июня иранскими ПВО американский беспилотник находился в воздушном пространстве Исламской республики, а доказательства причастности Корпуса стражей исламской революции (КСИР) к минированию 13 июня танкеров в Оманском проливе – «неубедительны».

Российский представитель отметил, что снижение градуса напряженности в Сирии и вокруг неё необходимо проводить не военным путем, назвав недавние удары израильских ВВС по сирийской территории «нежелательными». Касаясь вопросов взаимодействия с Тегераном, Н. Патрушев подчеркнул, что «у России и Ирана есть совместная антитеррористическая программа... У нас есть способы воздействовать друг на друга... не с помощью насилия, а скорее через диалог».

Кроме того, секретарь российского Совбеза заявил, что «любые попытки сделать из Тегерана главную угрозу глобальной безопасности, поставить его в один ряд с ИГИЛ (организация признана террористической в РФ) или любой другой террористической группой, недопустимы».

Джон Болтон, являющийся сторонником силового решения ирано-американского кризиса, в своем выступлении сделал основной акцент на Иране. По мнению представителя США, Тегеран является «источником терроризма и насилия... угрожает поставкам нефти».

Бен-Шабат отметил, что «проведение саммита является свидетельством статуса Израиля и доверия сверхдержав к нему». Добавив, что безопасность и стабильность является общей целью для всех участников мероприятия, но этого «нельзя достичь, не обуздав Иран».

Ключевым вопросом, который был в центре внимания наблюдателей, это – американо-иранские отношения.

Интернет-СМИ Al-Monitor, штаб-квартира которого расположена в Вашингтоне, ссылаясь на неназванного «высокопоставленный источник» в службах безопасности Израиля заявило, что «нет никаких сомнений в том, что после саммита из Москвы в Тегеран будут переданы срочные сообщения». Отметив, что по его данным, перед прибытием в Иерусалим Патрушев «встретился с высокопоставленными иранскими чиновниками, и есть вероятность, что он сделает это и после».

По сведениям военного обозревателя портала Ynet Бен-Ишайя, в Москве надеются, что Нетаньяху убедит Трампа принять условия «российской сделки», которая подразумевает:

- США признают режим Башара Асада, эвакуируют свои базы в Сирии и позволяют Саудовской Аравии финансировать восстановление САР;
- Израиль отказывается от авиаударов по целям, которые находятся на удалении от его границ;
- Россия обеспечивает отвод иранских и проиранских формирований от Голанских высот как минимум на 100 километров и из Дамаска. Контроль при этом будет обеспечиваться российской военной полицией.

Данный вариант «сделки» представляется сомнительным и не отвечает в полной мере интересам ни США, ни Израиля.

В стратегическом плане в Израиле, несмотря на риторику его представителей, больше обеспокоены возможностью формирования прямого сухопутного коридора Иран-Ливан, чем близостью военных Тегерана к Голанским высотам.

В Вашингтоне хотели бы, чтобы Москва использовала свои связи в Иране и убедила Тегеран отказаться от возобновления своей ядерной программы, что, согласно последним событиям, не удастся.

7 июля заместитель главы МИДа Исламской республики Аббас Аракчи заявил, что Тегеран намерен перейти порог в 3,76% и начать наращивать обогащение урана свыше установленного в «ядерной сделке» уровня. На 8 июля, как заявил представитель иранской Организации атомной энергии Бехруз Камальванди, страна достигла показателя в 4,5 %.

Однако, хотя Тегеран сообщил о возможности довести уровень обогащения урана до уровня 20%, угрозы миру в виде создания атомной бомбы нет. Для создания такого заряда радиоактивный элемент необходимо довести до 80%.

Демонстрация Тегерана адресована не столько Вашингтону, сколько европейцам, которые, неоднократно заявляли о своей готовности продолжить торгово-экономическое сотрудничество с Тегераном в рамках «ядерной сделки», но на практике заняли позицию пассивных наблюдателей.

Американские аналитики подчеркивают, что Вашингтон в лице президента и военного ведомства пришли к выводу о неготовности воевать с Ираном и рисковать жизнями своих сограждан. Белый Дом не намерен обеспечивать безопасность морских путей в конфликтной зоне. Президент США Дональд Трамп заявил, что его страна «экономически не заинтересована в охране судоходства в Ормузском проливе... поскольку Соединенные Штаты сами стали крупным производителем этого сырья».

Эксперты отмечают, что в настоящее время у США нет инструментов для того, чтобы помешать Ирану возобновить свою ядерную программу, за исключением военного вмешательства. А Дональд Трамп против этого по целому ряду причин, начиная от конъюнктуры нефтяного рынка и заканчивая перспективами собственной предвыборной кампании. В этих условиях Белый Дом вынужден пытаться взаимодействовать с Москвой для разрядки сложившейся ситуации.

Еще одной важной темой, обсуждавшийся в ходе официальных переговоров и в кулуарах встречи, была Сирия.

Участники солидарны с позицией, высказанной российским представителем, о необходимости создания новой конституции САР, проведении выборов и сохранении её в качестве единой страны.

Однако это единственный тезис, по которому стороны проявили единодушие. Ни Россия, ни США в настоящее время не намерены изменять свои подходы к решению сирийской проблемы.

Поскольку достоверной информации о ходе переговоров крайне мало, сошлемся на мнение местных наблюдателей, считающих, что стороны обсуждали различные аспекты формирования конституционного комитета Сирии, взаимодействие женевского и астанинского форматов, а также Идлибский вопрос. Ключевыми при этом остаются проблемы, связанные с качественным и количественным составом органа по разработке новой Конституции САР, а также кандидатура главы сирийского государства.

Вашингтон старается включить в конституционный комитет наибольшее количество своих сторонников, что подразумевает преобладание в нем курдов. Подобный вариант не устраивает ни Москву, ни Дамаск и затягивает переговорный процесс на неопределенное время.

Создание международного органа по сирийскому урегулированию остается приоритетной задачей и для ООН. Спецпосланник организации по САР Гейр Педерсон в начале мая заявил, что конституционный комитет может быть сформирован уже летом 2019 года. При этом решение о его создании было принято еще на Конгрессе сирийского национального диалога, который прошел в Сочи 30 января 2018 года.

С тех пор участвующие в формировании стороны (представители официального Дамаска и оппозиция) так и не пришли к согласию относительно количества и состава комитета. Вероятнее всего, его не удастся сформировать ни летом 2019 года, ни в среднесрочной перспективе.

Негативный прогноз можно выдвинуть и относительно женевского и астанинского форматов переговоров. Несмотря на все старания Москвы по продвижению переговорной площадки в Нур-Султане и вовлечению в нее все большего количества участников, эти два процесса являются разновекторными и тормозят друг друга.

Дополнительным фактором, затрудняющим решение вопроса о сирийском урегулировании и формировании конституционного комитета, является позиция Вашингтона относительно возможности сохранения на сирийской территории квазигосударства джихадистского толка в Идлибе. Отметим, что в отличие от Турции и Саудовской Аравии, которые во встрече не участвовали, США не являются ключевым игроком в этом районе.

Израильское руководство по сирийскому вопросу больше обеспокоено противостоянием с Ираном и сотрудничающими с ним организациями. В первую очередь – размещением иранских ракетных пусковых установок на территории соседней страны. Бен-Шабат указывал на приверженность

участников встречи позиции о выводе из САР всех иностранных военных, прибывших в страну после 2011 года. По этим подразумевался вывод иранских сил при содействии Москвы.

Это программа максимум. Задачей минимум, по мнению аналитиков, для израильтян было получить подтверждение того, что Москва не будет сбивать их самолеты в ходе атак на иранские силы в Сирии. Впрочем, достоверных подтверждений этому нет.

В завершении отметим, что иерусалимская трехсторонняя встреча, несмотря на громкое информационное освещение в мировых СМИ, не принесла значительных результатов, и не позволила заключить «сделку века». Данное мероприятие стоит рассматривать как попытку свести позиции его участников к единому знаменателю по отдельным вопросам сирийского и иранского досье, что уже само по себе важно. Тем более что, по некоторым сведениям, подобный формат может стать регулярным.

СМИ и другие наблюдатели также обратили внимание, что Белый дом объявил о предстоящей встрече президентов США и России в Осаке сразу же после окончания иерусалимских переговоров. Данный факт можно рассматривать в качестве подтверждения того, что определенные договоренности имели место, но говорить о них преждевременно.